

Лу Тяньмин закрыл дверь, глядя, как тот сидит на кровати в своей комнате с выражением сдержанного веселья. Шэнь Цин больше всего ненавидел эту его сдержанную усмешку, чёрт возьми, когда он злился, Лу Тяньмин всегда воспринимал его как ребёнка, устраивающего истерику, не успокаивал и не уговаривал, а всегда словно не мог удержаться от смеха. Возможно, это был недостаток слишком большой разницы в возрасте — поколенческий разрыв!

— Мне на голову сели, а я ещё должен улыбаться в ответ?! Предупреждаю, даже не смей говорить, что старшие всегда правы и я должен уступать. Посмей сказать — и я тут же прикончу тебя.

— Я же ничего не сказал.

— Я уже думал простить тебя, а ты ещё и настроение портишь! Вали отсюда! Либо говори со мной на коленях, подлец!

— Серьёзно? Тогда я встану на колени.

Шэнь Цин вздрогнул, обернулся и увидел, что Лу Тяньмин действительно встал на колени. Колени устойчиво расставлены, касаются пола, ладони свободно лежат на бёдрах, спина прямая, тело устойчиво — очень стандартная и изящная поза сидения на коленях... чёрт, это он, наверное, у Хэйтэна научился.

— Боже, и это ты называешь стоянием на коленях?! — Шэнь Цин чувствовал, что этот мужчина действительно мог довести его до смерти.

— А почему это не стояние на коленях? Мои колени на полу.

— Тяньмин, вы что... — Старушка Лу, неизвестно когда пришедшая, открыла дверь и тоже испугалась. — Что вы делаете?! Разговариваете на коленях?

Шэнь Цин очень боялся, что лицо старушки Лу потемнеет. Ведь свекровь всегда жалеет сына. Он поспешно объяснил:

— Мы просто дурачимся! Он раньше избил меня, выбил зуб, вот я и злюсь на него.

— Что?! Тяньмин избил тебя и даже выбил зуб?! Ты бил свою жену? Рука поднялась, А Цин намного младше тебя, ты обижаешь его?! — Старушка Лу широко раскрыла глаза, смотрела на Лу Тяньмина некоторое время, затем сказала:

— Тогда пусть продолжает стоять на коленях. Сынок, ты постой пока на коленях, так тебе и надо. Я пойду вниз чай попить.

Лу Тяньмин: ...

— Твоя мама более принципиальна, чем ты, Лу Тяньмин, — не удержался Шэнь Цин.

— Не расстраивайся из-за таких вещей. Завтра я отведу тебя навестить Айло, — Лу Тяньмин сидел на коленях с прямой спиной, что выглядело ещё более раздражающе.

— Как здоровье Айло на самом деле? — поспешно спросил Шэнь Цин.

— Завтра сам увидишь, — Лу Тяньмин встал, отряхнув одежду.

— Боже, я разрешал тебе вставать?! Продолжай стоять на коленях!

— Если уж на то пошло, я всё ещё твой лидер, Шэнь Цин. Как член семьи, ты осмелился так жестоко обращаться с лидером.

— Чёрт возьми, значит, если ты меня избил, я ещё должен встать на коленях и благодарить за милость? Каждый в семье такой милый! Кроме тебя!

— Ты ещё не всё объяснил. Кто этот серебряноволосый мужчина, который был с тобой?

— Хочешь знать? — Шэнь Цин важничал. — А я тебе, чёрт возьми, не скажу. Мужчин, которые за мной ухаживают, много, ты не единственный. Я действительно пойду спать. Если посмеешь мне мешать или останавливать, хоть лопни, больше с тобой не буду.

Хотя он так говорил, он всё же очень волновался за Айло. Не успел даже взглянуть, ничего не случилось? Шэнь Цин закрыл дверь и для надёжности защёлкнул замок.

На следующее утро, когда Шэнь Цин выходил из дома, чтобы навестить Айло, он столкнулся с человеком, при виде которого у него сразу начинала болеть голова.

Чэнь Сяюй был одет в очень чистую белую рубашку и простые джинсы, длинные волосы собраны в аккуратный хвост. С улыбкой, источающей невинность, он стоял в гостиной, с видом чистого, кислородного красавца придвинулся к столу и с сияющей улыбкой открыл изящную коробку.

— Вау, макарены! И ещё шварцвальдский торт! — Лу Хунжуй и Хак, стоявшие вокруг стола, не могли сдержать восхищённых возгласов, их глаза сияли.

— О, неплохо получилось, — равнодушно сказал Лу Тяньмин, бросив взгляд на изысканные угощения на столе. — Потрудился специально принести, спасибо.

— Я хотел выпить послеобеденный чай с милыми детками, вот и принёс, хотел с вами тоже... — Чэнь Сяюй мигнул глазами с видом невинного и безобидного. От высокомерного и надменного образа, который он демонстрировал в школе, не осталось и следа. Шэнь Цин взглянул на него и не мог не восхититься: жизнь — игра, а в игре — сплошная актёрская игра.

— Вау, братик Сяюй такой красивый.

— Братик Сяюй такой талантливый, а мой папа не умеет, только сжигает торты.

На лбу Шэнь Цина вздулась вена. Что за слова! Чёрт, вокруг этого типа Лу Тяньмина действительно крутится много всяких цветочков и пташек. Такая хитрая и нежная Мэн Бин отсутствует, и вот появился этот притворно чистый, добрый и образцовый Чэнь Сяюй. Чёрт, он что, хочет успеть переманить его, пока они ещё не поженились?

Какой бы прочной ни была стена, выдержит ли она столько заступов, долбящих изо всех сил? Он уже просто возводил глаза к небу в немом вопросе, подошёл к столу и фальшиво улыбнулся собеседнику:

— Действительно талантливо, так хорошо готовишь сладости.

— Да, с детства дома был домашний учитель, который учил меня готовить, — с улыбкой взглянул на него Чэнь Сяюй, изящно наливая ему чай. — Этикет за столом, базовое приготовление сладостей — всё этому нужно учиться. Ведь это не как у простых обывателей из низов, которые умеют готовить только грубую домашнюю еду.

— ... — Шэнь Цина это больно задело. Он уставился на Лу Тяньмина, уголок губ дёрнулся в улыбке. — Я пойду в больницу навестить Айло, ты тут наслаждайся угощениями, развлекай гостей.

— Хорошо.

И ещё смеет говорить «хорошо». Шэнь Цин пронзил его взглядом, развернулся и ушёл.

— Айло! Айло!

Полчаса спустя они прибыли в тот исследовательский центр. В огромном резервуаре, наполненном тёмно-синей жидкостью, Айло лежал с закрытыми глазами, его прекрасный серебристый хвост парил в воде, неподвижный.

— Айло, — постучал по резервуару Лор.

— Невероятно, в этой жизни действительно удалось увидеть такого прекрасного водного духа, — Лю Илоу, кусая ручку, с восхищением произнёс рядом. — Так прекрасен, невероятно прекрасен. Не волнуйтесь, его состояние стабильно, он просто спит.

Зрачки Шэнь Цина слегка расширились. Он смотрел на распущенные в воде светло-серые вьющиеся длинные волосы, колышущийся нежный серебристый хвост, нежную бледную кожу и изящное лицо, скрытое в прядях волос. Ему казалось, что это как картинка из игрового рендера, слишком безупречная, прекрасная настолько, что заставляла задерживать дыхание.

— Вот я и говорю, человеческие мужчины смешны, — усмехнулся Лор, скрестив руки на груди и глядя на Айло в аквариуме, в его глазах мелькнула тень жалости. — Всегда верят только своим скудным глазам.

— Цинь Хай знает о его исчезновении? — не удержался Шэнь Цин, спросив Лю Илоу.

— Звонил пару раз, но господин Цинь сейчас в медовом месяце. После медового месяца сказал, что обязательно навестит.

— После медового месяца, — с усмешкой сказал Лор. — Лучше бы он никогда не появлялся. Айло найдёт мужчину получше. Сколько раз я ему говорил — жертвовать собой не вернёт искренность человека.

Шэнь Цину стало тяжело на душе. Он молча молился, глядя на резервуар. Пусть Айло поскорее проснётся, поскорее поправится. Даже среди сирен, где все женские особи стройны и красивы, Айло обладал абсолютной, захватывающей дух красотой, от которой Шэнь Цин почти не мог отвести взгляд.

— Итак, господин Джино, когда вы планируете рассказать, где находится ключ?

В тёмной комнате раздался звук ударов кнутом по плоти, затем — приглушённый стон сдерживающейся боли.

— Я же говорил тебе! Лу Тяньмин, я ничего не знаю. Даже если бы знал, не сказал бы такому мерзавцу, как ты!

Рыжеволосый юноша был весь в синяках, его обнажённая спина покрыта шрамами от ударов, мокрые рыжие волосы спадали на лоб, в уголках губ засохшая кровь. Он пристально смотрел

на высокого мужчину, непринуждённо прислонившегося к чёрному дивану.

— Характер крепкий, — с интересом сказал Лу Тяньмин, глядя на него.

— Жаль только, что мне не удалось убить тебя собственными руками, ха-ха-ха-ха! — юноша захохотал.

Несколько острых железных крючьев пронзили его плоть сзади, почти подвесив его на цепях, свисающих с потолка. Руки были зажаты в наручниках и подняты, вокруг стояли несколько ответственных за допрос членов организации. Взгляд юноши был налит кровью и безумен.

— Да, я знаю, ваша организация при подготовке убийц, наверное, учит некоторым стратегиям переноса боли.

Примечание автора: Вау, братик Сяююй такой красивый. Братик Сяююй такой талантливый, а мой папа не умеет, только сжигает торты.

<http://bllate.org/book/15584/1393020>